

жании концепта *вежливость* являются *хорошие манеры* и *уважение*, что характерно для всех трёх стимулов. О том, что англичанами *вежливость* осознаётся как *формальность*, как соблюдение *правил этикета*, свидетельствуют реакции *etiquette, formal, formalities*. Для англичан типично частое использование формул речевого этикета, одного из индикаторов вежливости, поэтому не случайны реакции *thank you, thanks, I'm sorry, excuse me* и т.д. Социальный антрополог Кейт Фокс, автор книги «Watching the English», даёт следующее определение понятию «Englishness»: «Englishness means always having to say you're sorry» [5, с. 150]. Эти ассоциации представляют национально-культурную составляющую в структуре и содержании концепта *вежливость*. В целом результаты анализа ассоциативных полей практически совпадают с выводами Т. В. Лариной: «Англичане в большинстве анкет касались трех основных моментов:

- внимание, уважение к другим людям (назвали 62% информантов);
- частое употребление слов 'please' и 'thank you'(59%);
- хорошие манеры (50%)» [1, с. 20].

Таким образом, структурно-содержательный анализ концепта *politeness* поз-

воляет приблизиться к культурным и этническим смыслам в сознании британцев, а ассоциативные поля, образованные из ответов респондентов на стимулы *politeness, courtesy, civility*, точнее раскрывают структуру и содержание концепта *politeness*.

Список литературы

1. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: монография. М.: Издательство РУДН, 2003. 315 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
3. Степыкин Н.И. Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2011. 187с.
4. Степыкин Н.И. Сравнительный анализ ассоциативных полей «вежливый» / «вежливая» // Известия Юго-Зап. гос. ун-та. Серия «Лингвистика и педагогика». 2012. № 2. С. 17–22.
5. Fox K. Watching the English // The Hidden Ruies of Behaviour. Hodder, 2004. 153 p.

Получено 21.03.13

N.I. Stepykin, Candidate of Sciences, Senior Lecturer, Southwest State University (Kursk) (e-mail: nick1086@mail.ru)

STRUCTURAL ANALYSIS OF THE CONCEPT «POLITENESS»

The article is dedicated to consideration of structure and content of the «politeness». The analysis of responses, that form the associative fields politeness/courtesy/civility, makes it possible to reveal cultural and ethnic contents, fulfilling the concept «politeness».

Key words: *concept, associative field, associative experiment, politeness.*

УДК 811.161.1

В.А. Ефремов, д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) (e-mail: valef@mail.ru)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МУЖЧИНЕ И ЖЕНЩИНЕ В ЖАРГОНЕ

Представлена специфика концептуализации представлений о мужчине и женщине в общем жаргоне. Анализ субстандарта приводит к экспликации следующих специфических черт жаргонной концептуализации: высокая степень андроцентризма, особая, связанная с умалением человеческого достоинства метафоризация и специфические векторы концептуализации, отсутствующие в концептосфере литературного языка.

Ключевые слова: *Концепты «мужчина» и «женщина», общий жаргон, вербализация, векторы концептуализации, метафора.*

Исследование концептов «мужчина» и «женщина» в жаргоне – это масштабная исследовательская задача, решение которой на основе объединения идей и методов когнитивистики, социолингвистики, лингвокультурологии и гендерной лингвистики позволит, с одной стороны, уточнить специфику гендерного мировидения носителей маргинальной языковой культуры, а с другой – наметить возможные трансформации современного, вульгаризирующегося литературного языка.

Изучение субстандартных подсистем языка представляет собой сложную задачу: среди лингвистов нет единой точки зрения на определение природы субстандартных страт, их структуры и функций, роли в жизни отдельных социальных групп и всего социума. К разряду наиболее специфических характеристик субстандартного можно отнести следующие: гетерогенность языковых единиц, отсутствие нормы, устная форма существования, манифестация специфических, маргинальных ценностей, нечеткие границы между разновидностями, доминантный лексический уровень презентации. Данный набор признаков позволяет рассматривать субстандарт как специфический лингвоментальный феномен, противопоставленный литературному языку (resp. его концептосфере). Между тем нельзя недооценивать, во-первых, воздействие субстандартных пластов на современный литературный язык, а во-вторых, тот факт, что периферия языка в значительной мере моделирует процессы, которые впоследствии могут развиваться в его ядерной области.

Разнообразные взаимодействия субстандартных страт привели к тому, что с конца 80-х гг. XX в. большая часть субстандартной лексики и фразеологии начинает активно использоваться широким кругом носителей языка и становится общеупотребительной, что привело к формированию общего жаргона, под которым понимают промежуточное языковое образование, через которое лексика социальных диалектов проникает не

только в просторечие, но и в литературный (прежде всего, разговорный) язык в целом. При этом сам общий жаргон формируется в первую очередь за счет разнообразных уголовных арг. Так, современный русский язык признает в качестве общеупотребительных разговорных слов такие единицы, как *блатной*, *расклад*, *тусовка*, хотя еще несколько лет назад эти лексемы относились к просторечию, в которое они попали из общеуголовного жаргона, где служили обозначением конкретных криминальных реалий (именно по этой причине считаем необходимым в дальнейшем эпизодически обращаться и к общеуголовному жаргону).

Несмотря на то что основная функция жаргона, связанная со специфической кодировкой действительности, – коммуникативная, нельзя отрицать тот факт, что активное использование/восприятие жаргонизмов приводит к трансформациям и когнитивных структур носителя языка.

Для описания специфики концептов «мужчина» и «женщина» в общем жаргоне выделим ряд уникальных особенностей концептуализации, соотносящихся с когнитивно значимыми параметрами особой, социально маркированной и маргинализованной действительности.

1. Высокая степень **андроцентризма** жаргона. Под андроцентризмом вслед за представительницами феминистской критики языка понимают специфически мужской взгляд на действительность, сугубо мужскую интерпретацию мира, представленную в том числе и в языковой картине мира как генетически первой и аксиологически единственно верной.

Необходимо заметить, что исторически жаргон – сугубо мужской язык и долгое время считался прерогативой мужчин. Именно этим определяется то, что жаргон отводит женщине весьма низкое место: «Блатной язык женофобен – это по преимуществу мужской словарь. Женщина для деклассированных элементов – всего лишь средство для полового удо-

влетворения» [1]. Повышенной степенью андроцентризма объясняется и тот факт, что численно номинации женщин преобладают над номинациями мужчин.

Однако данное преобладание носит исключительно количественный характер. В качественном отношении ситуация прямо противоположна: разнообразных номинаций мужчин гораздо больше, чем названий женщин. Большее количество лексем, обозначающих лиц женского пола, сводится к трем «родовым» значениям: 'женщина' (например, такие метафорические обозначения, как *курица, лосиха, метла, морковь* и мн. др.), 'девушка' (*бэби, герла, кадра, клюшка, мать, сестручка* и т. д.) и 'проститутка' (*барби, институтка, лоханка, шмара* и др.). Подобного рода «классификация» выявляет исключительно мужской взгляд, при этом для данной концептуализации достаточно определить лишь возраст и способность женщины удовлетворять сексуальные потребности мужчины.

Одновременно список номинаций, репрезентирующих лиц мужского пола, гораздо многообразнее: это и названия различных уголовных «специализаций» (например, *домушник, мазурик, медвежатник, форточник*), и обозначения специфических «чинов» в криминальной и тюремной иерархии, которые активно используются в общем жаргоне (и в просторечии) в переносном значении (*мужик, пахан, петух, салага, фраер, чмо, шестерка*), и оскорбительные этнонимы (*абраша, абрек, азер, америкос, зверь, хачик*), и характеристики человека по его физическим или интеллектуальным способностям (*вася, духарик, салабон, чукча*) и т.д.

Итак, несмотря на большее количество женских номинаций, образ женщины в субстандарте представлен меньшей признаковой палитрой, чем образ мужчины: в случае необходимости назвать женщину жаргон чаще всего апеллирует к гендерному признаку как таковому, без указания на дополнительные характеристики. В концепте же «мужчина» спектр когнитивных идентификационных признаков более разнообразен.

2. Специфическая метафоризация.

Метафора является одним из самых продуктивных способов пополнения состава субстандартной лексики. В качестве основной черты жаргонной метафоры выделим иррациональность, алогичность и нередко непонятность для носителя литературного языка. Можно утверждать, что такая специфика жаргонных метафор обусловлена генетически первичной функцией арго как тайных языков – «остранением» реальности, необходимостью закодировать действительность понятным только для узкого круга людей способом.

Жаргонная метафора по своему исходному назначению и по способам образования представляет собой семантически и генетически весьма диффузное явление, связанное с реализацией специфических функций слова в субстандарте. Цели социального обособления (конспирологическая функция) и отрицательного эмоционально-экспрессивного воздействия (сугубо пейоративная прагматическая функция) достигаются в жаргонной метафоре комплексом средств: семантическими кальками из иностранных языков, внутриязыковыми заимствованиями с последующим переосмыслением номинаций или образов, а также синкретичными соединениями метафорического переноса с другими способами семантической трансформации слов.

В жаргоне можно выделить несколько типов метафор, которые напрямую характеризуют особенности специфического, присущего только субстандарту взгляда на человека. Именно по этой причине некоторые из названных ниже типов не регулярны в системе литературного кодифицированного языка (хотя могут быть весьма продуктивны в поэзии, например).

2.1. Концепт «мужчина» в общем жаргоне может быть представлен вербализаторами, возникшими в результате следующих метафор (классификация дана по источнику переноса).

2.1.1. **Зоометафора** используется для обозначения мужчин по разнообразным мотивирующим признакам: национальность (*зверь, олень*), место в социальной иерархии (*бобер, волк, петух*), физические данные (*бык*), внешняя непривлекательность (*амеба*), умственные способности (*бык, кобель*), поведение (*козел, крыса, шакал*), сексуальная ориентация (*заяц, петух*) и др.

Одновременно некоторые зоометафоры могут воплощать в себе сразу несколько концептуальных признаков. Например, из 13 значений [2] лексемы *бык* в общем жаргоне активно используются как минимум 7, среди которых (в скобках указан когнитивный признак номинации):

БЫК 1. *Угол. Неодобр.* Агрессивный, злобный человек (*поведение*);

2. *Угол.* Крупный, физический сильный мужчина (*физические данные*);

3. *Угол. Пренебр.* Слабоумный человек (*умственные способности*);

4. *Мол. Пренебр.* Некрасивый, глупый молодой человек (*внешняя непривлекательность + умственные способности*);

5. *Бизн.* Разбогатевший, преуспевающий, достигший успеха в бизнесе человек (*место в социальной иерархии*);

6. *Инд.-торг.* Вымогатель, сборщик «дани» с уличных торговцев, хозяин мелких фарцовщиков (*место в социальной иерархии*);

7. *Бизн., крим., мол.* Рэкетир, налетчик (*поведение + место в социальной иерархии*).

В принципе зоометафоры и в литературном языке могут иметь несколько слоев метафоризации, особенно в тех случаях, когда в основе семантического переноса лежит не конкретный признак, а некое общее или сходное впечатление, производимое сопоставляемыми предметами. Однако диффузность семантики жаргонизма генетически иная. Жаргонная метафора – прямое отражение, с одной стороны, разной специализации номинаций (использование в разных слоях кри-

минального и околокриминального мира, в разных, хотя и сопряженных дискурсивных практиках), а с другой, – характерной для субстандарта размытости границ между словами, что является следствием отсутствия нормы и специфической лингвокогнитивной природы жаргонизма. Впервые эту особенность субстандарта применительно к воровскому жаргону описал Д.С. Лихачев как «редкий образец совершенно не стабилизированной и диффузной семантики» [3].

Конечно, зоометафоры существуют и в литературном языке, и в территориальных диалектах, но ни в какой другой страте языка нет такой палитры семантических переносов, как в жаргоне, что связано с необходимостью для его носителя обозначить те когнитивные признаки описываемого объекта, которые не релевантны для литературного языка.

2.1.2. **Орудийная** метафора используется обычно для характеристики мужчины с точки зрения его физических (*кран* ‘молодой человек высокого роста’, *лом* ‘человек, обладающий большой физической силой’) или психологических (*долото* ‘глупец, недотепа, бездарь’) данных, а также социальной ценности (*звездик* ‘никчемный человек, ничтожество’).

2.1.3. **Метафора-профессия** – специфическое и весьма продуктивное для жаргона переосмысление, при котором название профессии, специальности или рода деятельности используется как номинация либо сугубо уголовной «специализации» (*артист* ‘опытный мошенник, аферист’, *архитектор* ‘осужденный, работающий каменщиком’, *слесарь* ‘ворвзломщик’ и мн. др.), либо личностных свойств (*ботаник* ‘отличник, прилежный ученик или студент’, *пахарь* ‘добросовестный работник’). Подобного рода метафоры преследуют единственную цель – переименование ради переименования, что позволяет реализоваться конспирологической функции.

2.2. Для концепта «женщина» можно выделить шесть специфических жаргонных метафорических моделей.

2.2.1. **Гастрономическая** метафора для образования номинаций женщины используется гораздо чаще, чем для обозначения мужчин: *батон, ватрушка, котлета, селедка, телятина, фрикаделька* и др. ('девушка'). Можно полагать, что такое количественное превосходство также объясняется высокой степенью андроцентризма жаргона и характерной установкой на «присвоение» женщины в качестве некоего средства для достижения поставленной цели, в данном случае – утоления голода.

2.2.2. **Зоометафора** для обозначения женщин в общем жаргоне имеет меньший веер возможностей, чем для номинации мужчин. Самое распространенное значение у таких лексем, как: *бабуин, ворона, жаба, кобыла, коза, курица, мартышка, овца* и мн. др., – 'девушка' без каких-либо дифференциальных признаков. В некоторых случаях в качестве ядерных сем, наряду с 'женщина' или 'девушка', выступают и иные: 'некрасивая' (*креветка, крокодил, медуза* и мн. др.), 'недалекая' (*бакланка*), 'сексуальная партнерша' (*хорица*) и другие.

Метафоризация женщины детерминируется, как и многое в жаргоне, определенными стереотипами мышления. В зоометафоре реализуется гендерный стереотип подчиненности женщины, ее малой утилитарной пользы, усугубляемый установкой на снижающее, презрительное отношение к женщине как к низкому существу.

2.2.3. **Фитометафора** представлена в общем жаргоне небольшим числом номинаций: *морковка* ('девушка'), *петунья* ('глупая девушка'), *слива (зеленая), тыква* ('неопытная девушка') и некоторые другие. Весьма показательно, что подобного типа семантические переносы по отношению к мужчине в субстандартной лексике невозможны.

2.2.4. **Орудийная метафора**: *мотыга, прищепка, промокашка, станок, стелька, тёрка* ('девушка'). В подобных номинациях когнитивным признаком семантического переноса часто становятся

те или иные сексуальные образы (так, *тереть* 'совершать половой акт'). Второй по частотности синонимический ряд образуют слова с доминантой 'доступная девушка': *запаска, запчасть, клюшка, сумка, швабра* и мн. др. Сюда же можно отнести и такие метафоры, как *арматура* ('высокая, худая девушка'), *велосипед* ('очень худая девушка или женщина'), *сковорода* ('девушка с кривыми ногами'), *кастрюля* ('жена, любовница') и ряд других.

При подобно рода вульгарной метафоризации в качестве объектов сравнения используются названия предметов быта, что также подчеркивает потребительское отношение к объекту номинации. Через метафоризацию названий малоценных, пусть и необходимых в быту, вещей представлен сугубо мужской взгляд на женщину – в высшей степени утилитарный и прагматический. Следует предположить, что использование в жаргоне в качестве метафорической номинации женщины элементов кухонной утвари восходит к древнейшим пластам патриархального сознания, в котором разграничение женских и мужских орудий труда было жестко маркировано.

2.2.5. **Метафора препятствия** отчасти связана с предыдущим типом метафорического переноса и определяет женщину как некое затруднение: *болячка* ('жена'), *заноза* ('сожительница'), *колдобина* ('некрасивая девушка, женщина') и др. Именно в этом типе номинаций наиболее полно представлено противопоставление мужского мира женскому: женщина воспринимается не только как человек более низкого социального статуса, но и как некая помеха для реализации стремлений мужчины.

2.2.6. **Игрушка**: *кукла, лялька, ляля* ('девушка'), *забава, игрушка* ('сожительница') и др. Подобный семантический перенос также отражает сексизма жаргона и маркирует женщину как средство развлечения, что вновь эксплицирует когнитивный вектор унижения человеческого достоинства.

Памятуя о конспирологической функции жаргона, необходимо отметить, что не все семантические переносы, существующие в субстандарте, легко декодируются усредненной языковой личностью и что жаргонная метафора может приводить носителя литературного языка к коммуникативным затруднениям. Высокая степень непонятности жаргонных метафор вызвана рядом причин: различия базовых и фоновых знаний, различие пресуппозиций, отсутствие номинируемых реалий в сознании не причастного маргинальным социумам индивида. Еще одна и, по-видимому, наиболее существенная причина затрудненного понимания носит сугубо лингвистический характер: большинство новых слов и их значений в субстандарте создается семантическим (лексико-семантическим) способом со всеми его достоинствами и недостатками. Возникающие таким образом языковые единицы легко утрачивают основанную на ассоциациях связь с мотивирующими словами, если она не поддерживается социальными реалиями, окружающими индивида.

3. Сложность декодирования жаргонизмов для носителей литературного языка определяется также и **специфическими векторами концептуализации** образов мужчины и женщины.

3.1. Сугубо жаргонные векторы концептуализации образа мужчины.

3.1.1. 'Отнесенность / неотнесенность к уголовному миру' (например, *агнец, болдоха, клоун, лох, олень, рыба vs авторитет, академик, свой, пахан* и т.п.). Это главный вектор концептуализации мужчины в уголовном жаргоне (отчасти характерный и для общего жаргона), который не представлен в литературном языке: любой мужчина с точки зрения криминального общества должен быть отнесен к своим или к чужим.

Подобная жесткая детерминированность мира и необходимость однозначной маркировки окружающих объясняется «спецификой коммуникативных интенций носителей аргю, из которых наиболее

существенным является, по-видимому, выражение негативного отношения к неблатным (как следствие бинарного деления окружающего мира на "своих" и "не-своих") и подчеркивание собственной исключительности (последнее сближает аргю и молодежный жаргон, сленг)» [4]. Экспликантами таких интенций становятся экспрессивность и эмоциональность, создаваемые нелитературными метафорами (ср. зоометафоры типа *бобер* или *петух*) или разрушением старых и установлением новых синтагматических связей (маркер иных концептуальных признаков!), что производит эффект окказиональности, образности и одновременно герметичности.

3.1.2. 'Степень физической выносливости' (*амбал, арнольд, бык vs богодул, доходной, пиндос, чмо* и мн. др.). В андроцентричном мире субстандарта ключевой гендерный стереотип (мужчина как воплощение силы) принимает гипертрофированные размеры. Соответственно, слабый человек рассматривается как недомужчина, как неполноценный представитель данного общества. Более того, признак 'наделенный большой силой' часто трансформируется в уголовном и общем жаргоне в 'связанный с насилием' (см., например, структуру лексемы *бык*). Иными словами, в жаргоне часто возникает семантический перенос «сильный человек → преступник, промышляющий насилием и/или разбоем».

Психологи отмечают, что так называемая норма физической твердости, которой общество обязывает мужчину быть физически стойким и выносливым, имеет прямой выход в криминальную действительность: «Временами норма физической твердости способна довести до насилия, особенно в том случае, когда социальная ситуация предполагает, что не проявить агрессию будет не мужски, или когда мужчина чувствует, что его мужественность под угрозой или под вопросом» [5]. Следовательно, мужчины, неспособные реализоваться социально приемлемыми способами, демон-

стрируют мужественность путем насилия. Иначе говоря, насилие часто уходит корнями в компенсаторную мужественность. Однако данный вектор концептуализации (представление мужчины через его силу) играет ключевую роль для жаргонного представления о человеке.

3.1.3. 'Степень сексуальной выносливости' (*бомбардир, кобел, кобелино, мерин* и десятки других) также является проявлением нормы физической твердости, но представляет несколько иной ракурс концептуализации мужчины. Здесь необходимо выделить две когнитивные составляющие: во-первых, данный вектор концептуализации часто связывается с игровым началом; во-вторых, в криминальном и криминализованном мире сексуальная выносливость мужчины зачастую связана с сексуальным насилием над женщиной.

Циничный игровой характер восприятия сексуальных отношений пронизывает весь субстандарт: от уголовного аргю (большая степень пейоративности и выраженной мизогинии) до молодежного сленга (шутливо-пренебрежительное отношение к женщине). К первому разряду можно отнести такие показательные номинации, как *клизма* ('женщина, не привлекательная в сексуальном отношении') или *долбежка* ('девушка, ставшая общей для определенной группы молодежи' [2]). В качестве иллюстрации номинаций второго разряда можно назвать, например, другие дериваты метафорически пересмысленного корня *долб-(ить)* ('совершать половой акт с кем-л.'), созданные по принципу языковой игры: *долбалово, долбеж, долбежка* (омонимичный жаргонизм, обозначающий 'половые сношения').

3.1.4. 'Отнесенность к гомосексуалистам' (*адонис, жокей, заяц, кодеи, козлик, опущенный, теплый, чичиряка* и мн. др.). Отчасти этот вектор концептуализации связан с первым вектором – 'отнесенность / неотнесенность к уголовному миру'. Если говорить о генезисе данной части жаргонной концептосферы, то она

восходит к жесткой иерархии тюремной системы, в которой низшая ступень социальной лестницы, каста неприкасаемых, формируется через акт физического насилия. Вот как характеризует представителей этого класса тюремной иерархии один из наиболее детально описывающих пенитенциарный мир словарей: «*Петух* 2. Один из синонимов опущенных, слово является страшным оскорблением и табуировано в еще большей степени, чем козел. Все слова, производные от петуха (*распетушился, петя, петушиный, петушок* и т.д.), а также родственные ему (*курятник, птичка, курица, гребень* и т.п.), заключенные стараются не употреблять, чтобы не "попасть в непонятную"» [6]. Это жесткое и агрессивное отношение к маргинальным членам социума – очередное свидетельство «примитивности» уголовного сознания, о котором писал еще Д. С. Лихачев.

Подчеркнем, что для междисциплинарных когнитивных исследований важным представляется тот факт, что данные лингвистического анализа и выделенные нами векторы концептуализации мужчины в жаргоне совпадают с описанными в гендерных и психологических исследованиях социальными требованиями (так называемыми «нормами твердости»), которые общество предъявляет мужчине. Однако в языковом сознании носителя жаргона эти стереотипы, становясь еще более значимыми, еще жестче определяют его «мужское» мировоззрение.

3.2. Специфические векторы концептуализации женщины.

Исследование специфических векторов концептуализации образа женщины в субстандарте позволяет выявить ряд когнитивных особенностей.

3.2.1. 'Объект сексуальных домогательств'. Этот вектор вербализован одним из самых многочисленных синонимических рядов общего жаргона, обозначающих лицо женского пола: *стелька, тело* и мн. др. Причем в большей степени такая концептуализация характеризует девушек, нежели женщин: ср., например,

отенок значения и иллюстрацию к нему первого лексико-семантического варианта широко распространенного в общем жаргоне слова:

КЛЮШКА, *Мол. 1. ж.* Девочка, девушка // Девушка, женщина, обычно старше говорящего по возрасту. *Зачем тебе эта клюшка нужна, ей же 35 лет!*

2. *ж. Ирон.* Девушка легкого поведения; проститутка.

3. *ж. Шутл.* Друг, приятель.

4. *м. и ж. Шутл.* Обращение к любому человеку [2].

Обилие номинаций, характеризующих представительницу женского пола исключительно как сексуальный объект, раньше было свойственно уголовному жаргону, но в постперестроечное время, с конца 80-х гг. XX в. начинает активно проникать и в общий жаргон, и в молодежный сленг.

В качестве отдельного синонимического ряда в рамках данного фрагмента жаргонной концептосферы можно выделить лексико-семантическую группу 'девушка легкого поведения', которая также представлена многочисленными номинациями: *бикса, бублик, жвачка, запчасть, рыбка, станок* и др. В большинстве случаев внутренняя форма этих слов содержит когнитивный признак 'относящийся к сексуальным отношениям'. Кстати, само отсутствие в литературном языке однословной номинации для обозначения девушки данного типа свидетельствует о криминальном (и воплощенном в жаргоне) характере подобного рода реалий.

3.2.2. 'Проститутка' – еще один вектор концептуализации женщины, представленный одним из наиболее многочисленных синонимических рядов: *барби, грелка, институтка, лоханка* и мн. др. Так же, как и с первым вектором, большая часть подобных вербализаторов генетически восходит к уголовному жаргону, в котором они выполняют сугубо номинативную функцию. Однако можно предположить, что в современном общем жаргоне и молодежном сленге обилие таких слов определяется в первую очередь тем, что каждое из этих слов может быть

использовано в качестве бранного по отношению к девушке или женщине, и лишь во вторую очередь тем, что количество представительниц древнейшей профессии за последнюю четверть века стремительно выросло.

Одновременно стоит отметить, что для извращенного сознания уголовника понятия 'женщина' и 'проститутка' почти одно и то же, в результате чего ряды номинаций для двух этих объектов частично совпадают: оба значения регистрируются, например, у таких лексем, как: *бабочка, жучка, кукушка, лялька* и др.

Отдельный ряд в общем жаргоне составляют лексемы, обозначающие 'специализацию проституток' – это самостоятельный вспомогательный вектор концептуализации женщины в жаргоне, который также отсутствует в литературном языке: *дальнобойщица, интердевушка, многостаночница* и т.д.

Итак, концепты «мужчина» и «женщина» в жаргоне становятся проекцией особых, характерных исключительно для маргинальных представлений о мужчинах и женщинах как носителях качеств и свойств, социально предписываемых и сформировавшихся на основании различных стереотипов и эталонов. Отмеченная специфика находит отражение не только на вербальном, но и на когнитивном уровне – в особенностях структурирования концептов «мужчина» и «женщина». При этом большая часть векторов концептуализации представлений о женщинах носит ярко выраженный сексистский характер, что доказывает языковой андроцентризм субстандарта в целом и общего жаргона в частности.

Список литературы

1. Грачев М.А. От Ваньки Каина до мафии. СПб., 2005. С. 149.
2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
3. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М.; Л., 1935. Т. III–IV. С. 73.

4. Быков В. История и современность русского арго // Русистика (Берлин). 1991. № 2. С. 53.

5. Берн Ш. Гендерная психология. М., 2001. С. 175.

6. Краткий толковый словарь тюремного мира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prison.org/nravy/dictionary/index.htm> (КТСТМ).

Получено 11.03.13

V.A. Efremov, Doctor of Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg) (e-mail: valef@mail.ru)

CONCEPTUALIZATION OF THE IDEAS ABOUT MAN AND WOMAN WITHIN JARGON

The article deals with the conceptualization of ideas about man and woman within common jargon. Lexicological analysis of jargon leads to the following explication of the specific features of the jargon conceptualization: a high degree androcentrism, human indignity metaphorization and specific vectors of conceptualization.

Key words: concepts "man", "woman", common jargon, verbalization, conceptualization, metaphor.

УДК 80

О.А. Андреева, канд. филос. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск) (e-mail: olafranc@yandex.ru; тел.: (4712)52-38-09)

Н.В. Рейнгардт, канд. филос. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск) (тел.: (4712) 52-38-09)

ИЗМЕНЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ, ПРОХОДЯЩИХ ЯЗЫКОВУЮ СТАЖИРОВКУ В РОССИИ

В статье рассматриваются факторы, влияющие на изменение картины мира в сознании китайских студентов в условиях естественной языковой среды, а также обсуждаются вопросы воспитания готовности к межкультурному диалогу у иностранных слушателей.

Ключевые слова: картина мира, глобализация, межкультурный диалог, языковая среда, национальная идентичность, межкультурная коммуникация, социокультурная компетенция.

В условиях современной глобализации, как и в Новое время, а затем эпоху Просвещения, язык человека как сфера искусственного является инструментом опредмечивания содержания научно-теоретического знания. Объективация человеческих знаний, язык (логос) – инструмент, необходимый для перехода к следующей ступени формулы «дикость – варварство – цивилизация». Происходит осознание существования другой, иной культуры в плане семиотического сравнения – ценности иноязычной культуры, правила поведения, социальное устройство. Теория нового общественного договора предписывает естественному закону выход на новый, цивилизованный уровень существования, формированию которого способствует создание и развитие культуры. В просветительском понимании цивилизации, по сути, выразился идеал гражданского общества как обще-

ства с развитым техническим прогрессом, правосознанием и способностью к «цивилизованному диалогу» с себе подобными.

В условиях современной глобализации именно последнее свидетельствует о готовности человека и общества в целом к «межкультурному диалогу». Отсюда стремление и осознание необходимости изучения не только иностранного языка (языков), но и глубокое познание и проникновение в культуру изучаемого языка, осознание и сопоставление особенностей своего национального характера с характером познаваемой культуры, создание и разрушение стереотипов и т. д. При этом не может не меняться привычная картина мира, в частности языковая картина мира, национальная картина мира (С. Г. Тер-Минасова) и т. д.

Изучение языка, в особенности иностранного, обуславливает познание и со-